

УДК 343.3

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. С. Соловьевкандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены юридико-технические решения, используемые при криминализации деяний, совершаемых с помощью сети Интернет, в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь. Даются рекомендации по приведению в соответствие терминов, применяемых в уголовном и информационном законодательстве, использованию единых формулировок норм, устанавливающих ответственность за использование в целях совершения преступлений как сети Интернет, так и иных информационно-телекоммуникационных сетей, дифференциации уголовной ответственности в ходе криминализации деяний, при совершении которых виновные в наибольшей степени заинтересованы в привлечении максимального количества реципиентов распространяемой информации, в зависимости от факта использования сети Интернет для передачи данных. Обращается внимание на тот факт, что из редакции норм должно быть однозначно ясно, каким образом при совершении преступления используются средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети.

Ключевые слова: криминализация, Интернет, информационно-телекоммуникационная сеть, киберпреступность, информационное законодательство, распространение информации.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий, рост скорости и объемов передаваемых данных в последние годы привели к тому, что без использования сети Интернет человек практически не может быть вовлечен в полноценное социальное взаимодействие. У процесса информатизации общественных отношений, наряду с массой положительных сторон, существуют и достаточно значимые риски, в числе которых далеко не последнее место занимают риски криминальные. Практически все государства мира вынуждены реагировать на проникновение преступности в информационно-телекоммуникационную среду. Способами такого реагирования являются и внедрение технологий информационной безопасности, и трансформация правоохранительной системы, и формирование качественной базы правового регулирования процессов оборота информации. Эта база в числе прочего включает и меры уголовной ответственности за использование информационных технологий в противоправных целях.

Российская Федерация и Республика Беларусь характеризуются примерно одинаковыми показателями масштабов использования населением сети Интернет. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, количество абонентов всех видов передачи информации с выходом в сеть Интернет составляет 12 792 000, около 135 абонентов на 100 человек населения [1].

Как показывают данные отчета Digital 2020, в Республике Беларусь на начало 2020 года было 7,48 млн интернет-пользователей (около 79 % от общей численности населения). В стране зафиксировано 11,93 млн мобильных подключений к сети Интернет (около 126 % от численности населения). В России, согласно тому же отчету Digital 2020, численность интернет-пользователей составляет 118 млн (около 81 % населения). На начало 2020 года зарегистрировано 237,6 млн мобильных подключений к сети Интернет (примерно 163 % от общей численности населения) [2].

Учитывая приведенные статистические данные, а также географическую и ментальную близость двух стран, логично было бы предположить, что их интернет-среда

подвержена примерно одинаковым криминальным угрозам. В таких условиях анализ подходов законодателей двух стран к криминализации деяний, совершаемых с использованием сети Интернет, позволит выявить положительный опыт и наметить направления совершенствования уголовного законодательства России и Республики Беларусь.

В законодательстве обоих государств можно выделить два юридико-технических решения, используемых при криминализации деяний, совершаемых с использованием сети Интернет.

Первое решение связано с упоминанием использования сети Интернет при совершении деяния в тексте правовой нормы. В Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ) упоминание сети Интернет встречается в тексте шести статей. Причем в четырех статьях (ст. 188, 189, 343, 343¹ УК РБ) используется формулировка «глобальная компьютерная сеть Интернет, иная сеть электросвязи общего пользования либо выделенная сеть электросвязи», а в двух (ст. 361, 367 УК РБ) — фраза «глобальная компьютерная сеть Интернет».

Используемые белорусским законодателем формулировки вызывают как минимум два вопроса. Во-первых, достаточно архаичным решением выглядит упоминание в тексте правовой нормы только сетей электросвязи. В исследованиях отмечаются вызванные такой формулировкой сложности квалификации деяний, сопровождаемых передачей информации посредством беспроводной связи, в которой не используется архитектура Интернета [3, с. 78]. Однако ст. 1 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-3 «Об электросвязи» предписывает под электросвязью понимать вид связи, представляющий собой любые излучения, передачу или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных сообщений по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам. Несмотря на то что согласно ч. 2 ст. 1 УК РБ единственным уголовным законом, действующим на территории Республики Беларусь, является УК РБ, а аналогия в уголовном праве недопустима, в формулировке «сеть электросвязи», используемой в статьях Особенной части УК РБ, возможно усмотреть бланкетность и понимать под ней любые сети, позволяющие передавать информацию по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам. Однако это не снижает актуальности задачи приведения в соответствие норм УК РБ, информационного законодательства и технической терминологии.

Второй вопрос связан с отказом законодателя от включения возможности использования сетей электросвязи общего пользования либо выделенных сетей электросвязи для совершения действий, входящих в объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 361, 367 УК РБ. Для ст. 361 УК РБ такое решение в целом не катастрофично, поскольку призывы к захвату государственной власти, или насильственному изменению конституционного строя Республики Беларусь, или измене государству, или совершению акта терроризма или диверсии, а также иных действий, направленных на причинение вреда национальной безопасности республики, либо распространение материалов, содержащих такие призывы, совершенное в сетях электросвязи общего пользования либо выделенных сетях электросвязи, будут являться публичными, а потому виновный будет подлежать ответственности по ч. 1 или 2 ст. 361 УК РБ. Возможность привлечения к ответственности по ст. 367 УК РБ за клевету в отношении Президента Республики Беларусь, совершенную в сетях электросвязи общего пользования либо выделенных сетях электросвязи, граничит с расширительным толкованием уголовного закона. Можно констатировать нарушение логики криминализации и системности уголовного законодательства при конструировании ч. 3 ст. 361 и ч. 1 ст. 367 УК РБ, требующее соответствующих корректировок.

В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) упоминание информационно-телекоммуникационных сетей и сети Интернет встреча-

ется в тексте восемнадцати статей, однако их юридико-техническое воплощение также далеко от совершенства.

В тексте норм используются десять различных формулировок составов преступлений и квалифицирующих признаков, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий для достижения преступного результата:

– в... средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) — п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110¹, ч. 2 ст. 110², п. «в» ч. 2 ст. 151², п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ;

– ...в ...средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях ... — ч. 3 ст. 137 УК РФ;

– ...с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, — ст. 171² УК РФ;

– ...через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет), — ст. 185³ УК РФ;

– ...с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, — ч. 2 ст. 205², ч. 11 ст. 258¹ УК РФ;

– ...с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, — ч. 11 ст. 238¹ УК РФ;

– ...с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) — п. «б» ч. 2 ст. 228¹, ч. 2 ст. 280¹ УК РФ;

– ...с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) — п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ;

– ...с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) — п. «г» ч. 2 ст. 242² УК РФ;

– ...с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, — ч. 2 ст. 280, ст. 282 УК РФ.

Такое разнообразие формулировок порождает целый ряд вопросов. Неясно, почему законодатель в некоторых нормах разделяет электронные и информационно-телекоммуникационные сети союзом «или» (ч. 2 ст. 205², п. «б» ч. 2 ст. 228¹, ч. 2 ст. 280¹ УК РФ), а в ст. 185³ УК РФ объединяет их, перечисляя через запятую? Что вообще такое «электронные сети»? Также вызывает недопонимание то, почему законодатель при конструировании одних составов преступлений использует формулировку «информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть “Интернет”», а других — «информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть “Интернет”)»? Есть и упоминание информационно-телекоммуникационных сетей без указания на сеть Интернет (ч. 3 ст. 137 УК РФ). Особого внимания заслуживает ст. 258¹ УК РФ, в части 11 которой используется одна формулировка, а в п. «б» ч. 2 — другая.

Сделано ли это осмысленно или является следствием небрежности и невнимательности рабочих групп, занимающихся подготовкой законопроектов?

Объяснение различию используемых законодателем формулировок отчасти можно найти в рассуждениях И. М. Рассолова, который отмечает, что до недавнего времени каждый тип сети был исключительно или главным образом посвящен какой-либо услуге (например, кабель в услугах аудиовизуального распространения, телефонная сеть в голосовой телефонии и т. д.). Отныне под воздействием феномена технологической конвергенции (Интернета) сети не посвящены больше отдельным услугам и позволяют распространять любые виды информации и услуг (аудиовизуальные программы, голосовую телефонию, интерактивные коммуникации, коммерческие услуги и т. д.), а традиционное различие между регулированием услуг и сетей аудиовизуального

распространения, с одной стороны, и регулированием услуг и сетей телекоммуникаций — с другой, теряет свою актуальность [4, с. 103–104].

Таким образом, можно рекомендовать российскому законодателю при конструировании составов преступлений и квалифицирующих признаков избегать упоминания электронных сетей, поскольку этот термин лишь вносит неопределенность в правоприменительную практику и может быть заменен на единое понятие «информационно-телекоммуникационные сети».

Второе юридико-техническое решение, используемое при криминализации деяний, совершаемых с использованием сети Интернет, которое можно обнаружить в законодательстве обеих стран, — это упоминание в тексте норм публичности действий, распространения информации, пропаганды и других подобных терминов без указания на конкретные средства осуществления противоправных действий. В УК РБ таких деяний значительно больше, чем тех, в диспозициях которых есть упоминание сети Интернет. К ним можно отнести пропаганду войны (ст. 123 УК РБ), разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, реабилитацию нацизма (ст. 130 УК РБ), склонение к самоубийству (ст. 146 УК РБ), незаконные собрания либо распространение информации о частной жизни (ст. 179 УК РБ), распространение ложной информации о товарах и услугах (ст. 250 УК РБ), пропаганда самоубийства (ст. 342¹ УК РБ), оскорбление Президента Республики Беларусь (ст. 368 УК РБ), нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий (ст. 369³ УК РБ).

В УК РФ также можно обнаружить такие статьи. Это клевета (ст. 128¹ УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ), публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ), массовые беспорядки (в части призывов к ним — ч. 3 ст. 212 УК РФ), публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ), реабилитация нацизма (ст. 354¹ УК РФ).

Практически каждое из перечисленных преступлений имеет своей целью распространение информации для максимальной аудитории. И именно такую возможность дает использование сети Интернет, поскольку сегодня нет более совершенного и доступного широкой аудитории средства распространения информации.

Как справедливо писал В. Н. Кудрявцев, «опасность действия заключается в том, что оно может вызвать определенные вредные последствия. Однако эти последствия наступают не во всех случаях. Естественно, что действия будут сравнительно тем опаснее, чем выше степень вероятности наступления вредных последствий» [5, с. 102]. Очевидно, что использование средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей многократно увеличивает аудиторию, способную ознакомиться с распространяемыми сведениями.

Анализ норм УК РФ и УК РБ позволяет определить три группы деяний, при совершении которых виновные в наибольшей степени заинтересованы в привлечении максимального количества реципиентов распространяемой информации.

Первая группа деяний связана с побуждением к совершению определенных действий. Сюда можно отнести пропаганду войны и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 123 УК РБ и ст. 354 УК РФ), пропаганду самоубийства (ст. 342¹ УК РБ), призывы к массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ) и ряд других преступлений. Очевидно, что в данном случае чем больше людей воспримут распространяемую информацию, тем больше шансов на то, что желаемые виновным действия будут совершены.

Вторая группа деяний преследует цель — привлечь внимание к незаконной продаже товаров или оказанию незаконных услуг, осуществляемых как самим распространителем информации, так и другими лицами. По сути, это реклама, эффективность которой также зависит от масштабов аудитории. К таким деяниям относятся сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет (п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ), обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (ч. 11 ст. 238¹ УК РФ), и др.

Третья группа преступлений связана с распространением информации, не преследующей цели моментально спровоцировать какие-либо ответные действия, однако способной вызвать общественно опасные последствия в виде массового беспокойства, страха, паники среди граждан (ст. 207¹ и ст. 207² УК РФ), умаляющей достоинство, авторитет как обычных граждан, так и должностных лиц (ст. 179 и 368 УК РФ, ст. 128¹ и 137 УК РФ), способствующей разжиганию расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни.

Понимание цели преступников и механизмов совершения преступлений, входящих в каждую из названных групп, дает законодателям двух стран повод задуматься о дифференциации ответственности в зависимости от использования ресурсов сети Интернет для совершения публичных действий или противоправного распространения информации.

Попытки такой дифференциации, разумеется, есть в законодательстве и России, и Республики Беларусь, однако они не всегда подчиняются принципу системности и не всегда отличаются безукоризненной юридической техникой.

В качестве примера можно привести весьма избирательное отношение российского законодателя к усилению ответственности за реализацию незаконных товаров и услуг, сопровождающуюся их рекламой в средствах массовой информации или сети Интернет. Неясно, почему использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей усиливает общественную опасность сбыта наркотических средств и при этом не усиливает опасность таких деяний, как, например, сбыт алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171⁴ УК РФ), огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов (ст. 222 УК РФ), взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222¹ УК РФ), сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ), новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 234¹ УК РФ), официальных документов, государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ). И если российский законодатель, пусть не совсем логично и последовательно, но все же устанавливает повышенную ответственность за ряд подобных деяний, то в законодательстве Республики Беларусь дифференциация ответственности за реализацию незаконных товаров и услуг, сопровождающуюся их рекламой в средствах массовой информации или сети Интернет, попросту отсутствует.

Возвращаясь к норме, предусмотренной п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ, следует также отметить, что из ее текста неясно, каким образом при сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов должны использоваться средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети. Формально даже переписка или голосовое общение в мессенджере или в социальной сети двух ранее знакомых людей, один из которых впоследствии сбывает другому наркотик, должны приводить к тому, что виновный будет нести ответственность по п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ, что наверняка не отвечает духу закона. В данном случае необходима конкретизация действий,

осуществляемых в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях и влекущих сбыт предмета преступления.

На основании проведенного анализа подходов законодателей Российской Федерации и Республики Беларусь к криминализации деяний, совершаемых с использованием сети Интернет, можно сформулировать ряд рекомендаций, которые целесообразно принять во внимание при конструировании уголовно-правовых норм:

1. Термины, употребляемые в уголовно-правовых нормах, по своему лексическому значению должны соответствовать аналогичным понятиям, используемым в информационном законодательстве.

2. Следует иметь в виду возможность использования в целях совершения преступлений как сети Интернет, так и иных информационно-телекоммуникационных сетей. При этом все нормы, устанавливающие ответственность за их использование в противоправных целях, целесообразно привести к единым формулировкам. С учетом национальных правовых традиций для Республики Беларусь следует использовать термин «глобальная компьютерная сеть Интернет, иная сеть электросвязи общего пользования либо выделенная сеть электросвязи», а для Российской Федерации — «информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть “Интернет”)».

3. Можно выделить три группы преступлений, при совершении которых виновные в наибольшей степени заинтересованы в привлечении максимального количества реципиентов распространяемой информации, а значит, при криминализации которых (внесении изменений в которые) необходимо обратить внимание на дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от факта использования сети Интернет для передачи информации. Первая группа деяний связана с побуждением к совершению определенных действий. Вторая группа деяний преследует цель — привлечь внимание к незаконной продаже товаров или оказанию незаконных услуг. Третья группа преступлений связана с распространением информации, не преследующей цели моментально вызвать какие-либо ответные действия, однако способной привести к общественно опасным последствиям в виде массового беспокойства, страха, паники среди граждан, умаляющей достоинство, авторитет как обычных граждан, так и должностных лиц, способствующей разжиганию расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни.

4. Из редакции норм должно быть однозначно ясно, каким образом при совершении преступления используются средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный интернет-сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/svyaz-i-informatsionno-kommunikatsionnye-tehnologii/statisticheskie-izdaniya/index_14278/. — Дата доступа: 11.06.2020.

2. Отчет Digital 2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://datareportal.com/>. — Дата доступа: 11.06.2020.

3. Топорикова, О. О. Проблемы квалификации использования мессенджеров или Bluetooth для распространения порнографических материалов / О. О. Топорикова // *Право.by*. — 2016. — № 5 (43). — С. 78–82.

4. Рассолов, И. П. *Право и Интернет. Теоретические проблемы* / И. П. Рассолов. — 2-е изд., доп. — М. : Норма, 2009. — 384 с.

5. Кудрявцев, В. Н. *Объективная сторона преступления* / В. Н. Кудрявцев. — М. : Госюриздат, 1960. — 244 с.

Поступила в редакцию 14.07.2020 г.

Контакты: vladsolovyev@mail.ru (Соловьев Владислав Сергеевич)

Soloviov V. S.

CRIMINALIZATION ACTIONS USED ON THE INTERNET: EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

The article considers the legal and technical solutions used in the criminalization of acts committed using the Internet in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. Recommendations are given on bringing the terms used in criminal and information legislation into conformity, using uniform wording of the rules establishing responsibility for using both the Internet and other information and telecommunication networks for the purpose of committing crimes, differentiating criminal liability in the course of criminalizing acts, when committing whom the perpetrators are most interested in attracting the maximum number of recipients of the disseminated information, depending on the fact of using the Internet to transmit information. Attention is drawn to the fact that it should be unambiguously clear from the wording of the norms how the media and information and telecommunication networks are used in the commission of a crime.

Keywords: *criminalization, Internet, information and telecommunications network, cybercrime, information legislation, information dissemination.*